

Эмма Вальс

МОЦАРТ,
ВОЛШЕБНИКИ
И
РОЖДЕСТВО

6+

Эмма Вальс

Моцарт, Волшебники и Рождество

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Вальс Э. Р.

Моцарт, Волшебники и Рождество / Э. Р. Вальс — «ЛитРес: Самиздат», 2021

ISBN 978-5-532-92923-4

Когда волшебник Джузеппе отправил композитора Вольфганга Амадея Моцарта через Портал в далёкое будущее, он и не предполагал, чем всё может обернуться. А вдруг Амадей потеряется и не сможет вернуться назад? И каково человеку из восемнадцатого столетия застрять в XXI веке?! Вместе с Моцартом в опасное путешествие полетели смешной человечек Папагено, умная ворона Клара и коварная Королева Ночи. Из летней Вены Моцарт попал в далёкую Россию, где холодно и снег, и дома другие, и даже повозки без коней. Моцарт подружился с музыкантами Федей, Славой и их детьми Катей и Андрюшей. Вместе они прожили один счастливый день, который изменил жизнь Большого семейства. И приключений в этот день было предостаточно: хулиганов обезвреживали, из разных мест благополучно сбегали, в отделении полиции побывали, и в «Волшебной флейте» выступили, и на вороне полетали. И главное: всё у них получилось! И путь себе Антонио Сальери злобствует: маэстро Моцарт вернулся из будущего целым и невредимым!

ISBN 978-5-532-92923-4

© Вальс Э. Р., 2021
© ЛитРес: Самиздат, 2021

Содержание

Глава первая. Утренний гость	5
Глава вторая. Семейные посиделки	10
Глава третья. Странный часовщик	13
Глава четвёртая. Комната волшебника	17
Глава пятая. Подвал или портал?	21
Глава шестая. Буря	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Эмма Вальс

Моцарт, Волшебники и Рождество

Глава первая. Утренний гость

Ранним августовским утром 1791 года композитор и музыкант Вольфганг Амадей Моцарт стоял около окна своей венской квартиры на улице Раухенштейнгассе и от вынужденного бездействия рассматривал площадь перед домом, соседние дома, проезжающие мимо экипажи и прохожих, деловито спешащих по разным неотложным утренним делам. Сам того не замечая, он отбивал пальцами по оконному стеклу как по клавишам клавира «та-ра-пам-пам, та-ра, та-ра, пам-пам-пам»: «Я самый ловкий птицелов»...

В шесть часов утра к Моцарту, по обыкновению, заглянул француз-парикмахер. Пока Пьер укладывал горячими щипцами его волосы, Моцарт дописывал арию принца Тамино... Божественной красоты звуки сами собой превращались в ноты, перо легко скользило по бумаге, и Моцарт не мог прерваться даже на секунду и даже ради такого важного дела, как причёска...

Но... с полчаса тому назад он посадил в нотной тетради огромную кляксу (рука почему-то дрогнула, и чёрная чернильная капля сорвалась с пера в самый неподходящий момент), поставил двойную тактовую черту, которая означала – «завершено», «сделано» и... загрустил!

– Прощай, моя «Волшебная флейта»! Прощайте, дорогие принц Тамино, принцесса Памина, волшебник Зарастро и Королева Ночи... Не хочется прерываться, но я должен на какое-то время вас покинуть, увы...

Сегодня утром он оставит свою уютную квартиру, жену Констанцу с шестилетним Карлом Томасом и крошкой Францем Ксавьером Вольфгангом, свою работу над сказочной оперой «Волшебная флейта» и отправится в дальний путь – из Вены в Прагу. Конечно, не на всегда, а только на время написания и постановки другой оперы.

Новая опера называется «Милосердие Тита» и должна быть написана и отрепетирована аккуратно ко дню коронации австрийского императора Леопольда II королём Богемии. Предполагается, что под видом милосердного древнеримского императора Тита на сцене показан не менее милосердный австрийский император Леопольд II. Жаль только, что этот милосердный Леопольд не очень-то любит музыку...

«Оставьте при себе ваши музыкальные изыски, господин Моцарт! Мне нужна от вас добротная, и главное, в срок выполненная работа! Если вы не выполните моё условие, вы не получите за «Милосердие Тита» ни одного дуката! Кстати, о милости императора к вашей персоне в случае невыполнения заказа можете забыть навсегда!» – и импресарио Доменико Гуардазони смерил Моцарта таким тяжёлым взглядом, что у того аж мурашки забегали по коже.

Вообще-то Вольфганг Амадей обожал Прагу. Ему нравился этот старинный и удивительно красивый город, нравились музыкальность и приветливость его жителей, к тому же в Праге у Моцарта было много друзей и почитателей его таланта. Но все же он собирался в эту поездку с тяжёлым сердцем. Уж очень огромную работу в такое короткое время ему предстояло выполнить: коронация Леопольда была назначена на начало сентября.

– И почему горничная Луиза так медлит с завтраком?! Экипаж должен вот-вот подъехать! – нервничал Моцарт, высматривая у окна наёмную карету. – Наверное, побежала в лавку пекаря Ханса, чтобы прикупить к столу яблочного штруделя... – предположил он.

Ах, этот знаменитый венский яблочный штрудель! Похоже, Ханс встал сегодня раньше всех и потрудился на славу, потому что по всему кварталу пронёсся, благоухая, аромат свежей выпечки, ванили и корицы...

И Моцарту, несмотря на всё его нетерпение, оставалось лишь примоститься у окна, сидеть и ждать, высматривая случайных прохожих...

Вот полная дама в богатой бархатной накидке в сопровождении бледной тощей служанки спешит куда-то, наверное, в церковь. В руке у дамы чётки, она то и дело покрикивает на девицу, а идёт так быстро, что служанка еле за ней поспевает. Интересно, к чему такая спешка?.. И какие прегрешения не дают почтенной фрау покоя с самого утра?..

А вот мрачный господин в чёрном плаще, должно быть, хирург... Несёт тяжёлый саквояж с медицинскими инструментами и микстурами... бррр!.. Моцарт не особенно жаловал хирургов с их острыми скальпелями и изнуряющими кровопусканиями...

А вот мимо его дома медленно проехала большая карета, отделанная тёмным бархатом и украшенная замысловатым гербом. Важный кучер восседал на высоком облучке в расшитом камзоле, двое слуг в атласных синих ливреях примостились на запятках, кожаная занавеска плотно задёрнута – уж не русский ли это дипломат граф Разумовский поехал по своим тайным дипломатическим делам?

Когда-то он обещал похлопотать за Моцарта перед русской императрицей Екатериной, но... «Писем от заграничных посланников много, а императрица у нас одна! Терпение, мой дорогой Моцарт, имейте терпение!» Чёрт бы вас побрал, господин посол, с вашими проволочками и бюрократической дипломатией!..

Вот около дома прошагал зевающий полицейский, за ним проковылял городской нищий, дворники подмели метлами булыжную мостовую, в открытой коляске проехал важный господин в штацком мундире, должно быть, банкир или чиновник, старьёвщик открыл свою мерзкую лавчонку, рядом расположился ростовщик с бородавкой на носу, молочницы в белых передниках понесли на разнос крынки с молоком, две хорошенькие горничные из дома напротив замахали им ручками: сюда, сюда, наши господа ждут – не дождутся вашего молока к завтраку! – что ж, у всех своя работа, и, если хотите, свой круг обязанностей!

Вдруг к парадному крыльцу дома, где снимала квартиру чета Моцартов, подъехала и остановилась добротного вида дорожная карета с просторным кузовом. Из кареты вышел высокий господин в чёрном плаще и шляпе. Нет, это не кучер, и карета не похожа на ту, что перевозит людей за плату.

Меж тем господин подошел к двери и требовательно-настойчиво зазвонил в дверной колокольчик. Гости в доме Моцартов не редкость. Хотелось бы знать, кто пожаловал на этот раз? Друг-музыкант, аристократ или кто-нибудь из кредиторов решил навестить Моцарта пораньше, чтобы наверняка застать его дома и напомнить о своевременной уплате долга?

Ох, уж эти долги!.. Всякий раз, когда Амадей получает приличный гонорар, он даёт себе зарок, что не будет сорить деньгами направо и налево и раздавать их сомнительным «приятелям»-прохиндеям, будет откладывать небольшие суммы на «чёрный день», будет, в конце концов, рачительным и бережливым, как его отец Леопольд, но... деньги, как вода, которую невозможно надолго удержать в руках! Они просто уплывают из его рук, чтобы осесть в карманах лавочников, бакалейщиков, портных, башмачников, владельца квартиры, которую он арендует, докторов, которые лечат его жену, и далее по списку...

Голос из прихожей вывел Амадея из тяжелых раздумий. Какое счастье – это не кредитор! Это итальянский музыкант и друг семьи Моцартов сеньор Антонио Сальери! Между прочим, придворный композитор его величества императора Леопольда II!

Как всегда, в немодном парике и старомодном камзоле... сеньор Сальери подтянут, бодр и немного снисходителен... «Он считает меня мальчишкой, так и не повзрослевшим вундеркиндом!» – промелькнуло у Моцарта в голове.

– Дружище Антонио! Ты, как всегда, вовремя! Еще немного, и ты не застал бы меня дома! Я сейчас же дам распоряжения Луизе, чтобы она принесла второй прибор... – и Амадей жестом радушного хозяина пригласил Сальери к столу. – Во-первых, я хочу показать тебе кое-

какие музыкальные наброски... мне интересно, что ты о них скажешь... Кстати, рекомендую этот яблочный штрудель... Констанца специально каждое утро посылает за ним нашу горничную... Поверь, никто в целой Вене не готовит его так вкусно, как пекарь Ханс из соседней кондитерской...

Сальери растянул тонкие губы в насмешливой улыбке:

– Штрудель действительно бесподобен... А, во-вторых, дорогой Вольфганг?..

– Ах, да-да, я, как всегда, отвлекся на ерунду... – Моцарт виновато улыбнулся. – Я уезжаю, уезжаю надолго... Пожалуйста, хоть иногда захаживай в мой дом... Констанце нездоровится... ещё не может оправиться после рождения малютки Франца Ксавьера... Она будет очень рада, если ты её навестишь...

– О чём речь! Конечно, дорогой друг! Кому, кроме меня, ты можешь доверить заботу о своём семействе в твоё отсутствие?! – и Сальери демонстративно приложил руку к груди. – А я ведь к тебе по поручению самого императора! Его величество, выказывая заботу о своих подданных и личную заинтересованность в опере «Милосердие Тита», предоставил тебе для поездки один из своих личных экипажей. Радуйся – ты поедешь в Прагу в императорской карете! Он также выразил надежду, что ты сумеешь по достоинству оценить его доверие и приступишь к работе над оперой уже в дороге.

– Разумеется, приступлю... Хотя... должен тебе признаться... я так устал в последнее время... Если бы не щедрый гонорар, вряд ли бы я взялся за эту оперу...

– Да уж... Импресарио Гуардазони сильно повезло, что ты согласился, в отличие от многих других... – о том, что сам Сальери хитро выкрутился, сославшись на занятость и отказавшись выполнить щекотливый заказ, он дипломатично решил не упоминать. – Кстати, насчёт дополнительного гонорара: его величество желает, чтобы на праздничном обеде звучали твои немецкие танцы. Как он выразился, «хочет побаловать себя вкусненьким...»

– О, Боже!.. Антонио, подумать только, для кого мы работаем!.. Для этих высоких господ, для которых наша музыка – это что-то вроде закуски... времяпровождение между переменной блюд на столе!

– Мой юный друг! Таковы реалии нашего времени, и мы не можем с ними не считаться! Кто платит, тот и заказывает музыку и указывает, когда и где ей звучать...

– Да что они в ней понимают, это императоры, короли, эрцгерцоги и маркизы!.. Только ты один можешь оценить мою новую оперу по-настоящему! Я тебе сейчас спою арию из неё, которую я написал под утро! – и Моцарт вскочил из-за стола и буквально подлетел к клавишину.

– Ты уже что-то написал для «Милосердия Тита»? – Сальери удивлённо поднял брови.

– Нет-нет, эта опера не для императоров, а для меня, для тебя, для наших друзей, для всех простых людей с открытым сердцем... Моя новая опера называется «Волшебная флейта»! Вот, ты только послушай!..

– Прости, дорогой Вольфганг, но время, время... Время поторапливает! Лучше покажи мне ноты – этого для меня вполне достаточно, – и Сальери впился глазами в партитуру.

Надо заметить, что партитура – это огромная нотная тетрадь, где выписаны партии всех голосов и инструментов, которые звучат в музыкальном произведении.

– Вольфганг, это... гениально!.. Просто непостижимо!.. Я всегда думал, что меня уже трудно чем-либо удивить, но... твоя «Волшебная флейта»... по-моему, это настоящий шедевр! – Сальери взмахнул рукой и как бы ненароком прикрыл глаза, чтобы Моцарт не заметил завистливого огонька в глазах друга...

– Я рад, что тебе понравилось... Хотя, я думаю, ты меня сильно переоцениваешь... – Моцарт улыбнулся благодарной улыбкой.

Сальери достал из кармана круглые швейцарские часы на золотой цепочке и посмотрел на циферблат:

– Ах, как некстати! Сегодня утром мои часы неожиданно остановились... Вольфганг, скажи: который час? – пока Моцарт отошёл, чтобы посмотреть время на каминных часах, Сальери незаметно запустил длинные пальцы в конфетницу, достал оттуда горсть марципановых конфет и ловко отправил их к себе в карман (Сальери обожал сладкое).

– Уже четверть восьмого...

– Что ж, пора ехать, мой юный друг! Тебя ждут Прага и заслуженная слава по окончании работы! – и Сальери подпрыгивающей походкой быстро зашагал к выходу. – Я провожу тебя... Заодно по дороге заглянем к часовщику...

И Моцарту ничего не оставалось, как наскоро обнять жену и последовать за Сальери. Накинув дорожный плащ, он вышел из дома, поспешно забрался на подножку и с тоской посмотрел на окна спальни. Констанца в домашнем чепце помахала ему из окна рукой.

Моцарт помахал в ответ, влез в карету, и экипаж, украшенный гербом императорской фамилии, немедленно тронулся в путь...

Глава вторая. Семейные посиделки

Бывают зимой вечера, когда хочется собраться дружной семейной компанией в тёплом деревянном доме. На улице темно, морозно, «даже носа за дверь не высунешь» (так бабушка говорит), а дома догорают дрова в камине, и на столе накрыт чай с печеньками, и беседа ведётся мирная, неспешная, и всем вокруг хорошо и уютно.

Вот сегодня, например, именно такой вечерок. Около камина примостились Катя и Андрюша, а рядом на диванчике удобно расположились их папы – Катькин папа Федя и Андрюшкин папа Слава. Дрова в камине почти догорели, и от них исходят такой задушевный жар и еле слышное потрескивание, а искорки так волшебным образом перемигиваются друг с другом, что хочется только усесться рядышком, смотреть на огонь и слушать волшебные сказки...

Только почему-то папы, когда собираются вместе, начинают разговаривать о работе, как будто других тем для разговоров не существует! Наверное, потому, что они работают в одном учреждении. Такое редко, но случается. Да и учреждение, где они работают, тоже довольно оригинальное – Театр оперы и балета. И папам интересно об этом поговорить.

– Матильда опять всю репетицию ко мне придиралась. Ей, видишь ли, кажется, что я затягиваю темпы!.. – жалуется папа Федя.

Папа Федя певец. Он поёт в хоре оперного театра. А Матильда Вениаминовна – хормейстер, то есть папина непосредственная начальница (хормейстер – это руководитель хора).

– Спой немного побыстрее, и все дела... – это уже папа Слава утешает друга. Видимо, у папы Феде действительно что-то там не клеится.

– Тебе легко говорить... – канючит папа Федя. – Я пою в правильном темпе, а Матильде кажется, что я нарочно пою медленно, потому что якобы вредничаю и игнорирую её замечания...

В оперном театре все артисты поют, танцуют или играют на разных инструментах. Папа Федя, к примеру, поёт, а папа Слава играет на скрипке. И у обоих неплохо получается.

Папа Федя и папа Слава дружат с самого детства. И дружба у них получилась как в пословице: «Какую дружбу заведёшь, такую жизнь и проведёшь». Когда-то они вместе учились в музыкальной школе. Причём папа Слава был отличником и гордостью, а папа Федя – не совсем. И не потому, что таланта не хватало. Просто папа Федя любил всё проспать. Мог проспать урок или экзамен. Что, как вы понимаете, не способствовало успехам в учёбе, зато не помешало их крепкой дружбе.

После окончания школы папы вместе пошли поступать сначала в музыкальный колледж, а после – в музыкальный институт. А потом устроились работать в театр. А потом поженились в один день на сёстрах-близнецах. А потом у них родились Катька с Андрюшкой. А потом Костик с Любашей. А потом – «суп с котом», потому что папа Слава светловолосый, часто поправляет очки на носу и немного забывчивый, а папа Федя рыжий, обожает вкусно покушать и пожаловаться на жизнь...

...тем более, что повод имеется: в Оперном театре готовится грандиозная премьера. Будут исполнять оперу Вольфганга Амадея Моцарта «Волшебная флейта». Премьера назначена на Рождество, то есть на завтра, поэтому люди в театре волнуются, суетятся, нервничают, мелко переругиваются и все ко всем придираются.

Первым папино-Федино нытьё не выдерживает Андрей. Он протягивает папе Славе новую книжку, большую, с яркими картинками, которую получил в подарок на Новый Год – от Деда Мороза, разумеется:

– Папа, почитай нам сказку!

Тут уже и Катя присоединилась к брату:

– Папочки, ну, пожалуйста...

Вообще-то папы (оба) не любили читать детские книжки вслух – опасались детских вопросиков. Начинает, к примеру, папа Федя с выражением декламировать: «Добрый доктор Айболит! Он под деревом сидит. Приходи к нему лечиться и корова, и волчица...» И посыпались родимые, как из рога изобилия: «Папа, а почему доктор? Он же ветеринар!»

Когда читают про Рассеянного с улицы Бассейной, в детских буйных головах сразу рождается сомнение: возможно ли надеть на ноги перчатки и не заметить этого? Тут же по ходу чтения следует целый ряд экспериментов с перчатками, варежками и ногами.

А уж про то, кто же вылезает «...из маминой из спальни, кривоногий и хромой...», папы вообще предпочитали не дискутировать!

Ну, и как можно получать удовольствие от чтения в таких невыносимых условиях?!

– Дети, дети... Спокойно!.. – папа Слава начал волноваться. – Мы с папой Федей...

– С папой Славой, – подхватывает Федя, – решаем важные мировые проблемы!..

– Ага, знаем мы ваши проблемы, – вздыхает Андрюшка, а про себя думает: «Мы им что, мелочь пузатая? Проблемы у них... Они ещё наших с Катькой проблем не знают...»

– Ну, папочка, ну, миленький, ты же обещал... – Катя пускает в ход «тяжёлую артиллерию» – женское обаяние...

– А кто-то, между прочим, тоже сегодня обещал убрать за собой игрушки... – папа Федя начинает потихоньку сдаваться.

– Да! И почистить зубы без напоминания! – папа Слава косится на книжку: ну очень здоровая... Умеет Дед Мороз выбирать, нет чтобы маленькую, тоненькую... – Ладно, давайте сюда вашу книгу. Так и быть, я сам, лично... передам её папе Феде для художественного чтения вслух...

Папа Слава берёт книгу в руки и... вот удача! На обложке большими красочными буквами написано: «Волшебная флейта»!

– О, это точно к папе Феде! Тут даже и читать не надо. Сейчас вам папа Федя всё подробно расскажет! Он у нас в курсе всего, что в этой книге происходит!

Папа Федя только на обложку глянул, сразу почему-то расстроился:

– Понимаете... в этой сказке рассказывается об одном уникальном принце... Его зовут Тамино, и его чуть не слопало страшное чудовище...

– Ну, видали мы чудищ и пострашнее, – философски замечает папа Слава.

– Этот принц самый смелый из всех принцев, потому что он бесстрашно проходит все испытания, – не сдаётся папа Федя.

– Ну, видали мы принцев и посмелее, – опять вставляет реплику папа Слава.

– Он находит прекрасную принцессу Памину, и в этом ему помогает смешной птицелов Папагено... А ещё Моцарт написал для него самые лучшие арии! – гнёт свою линию папа Федя.

– Моцарт для всех написал лучшие арии! – парирует папа Слава.

– Для всех просто лучшие, а для принца Тамино лучшие из лучших! – в запале выдаёт папа Федя.

– Это ещё с какой стороны посмотреть, – не успокаивается папа Слава, и папы, перебивая друг друга, начинают аргументировать, доказывать и приводить примеры.

Спор потихоньку разгорается и обещает быть долгим и захватывающим, но вдруг...

– Мальчики!.. Помогите малышей искупать! – это из кухни вышли Катькина мама Марина и Андрюшкина мама Ирина, и на руках они держат маленьких Костика и Любашу. А «мальчиками» своих мужей мамы называют, когда им надо, чтобы «мальчики» что-нибудь для них сделали или в чём-нибудь им помогли.

Всё, конец дебатам!

«Вот так всегда! – папы со вздохом переглянулись. – Прервали на самом интересном месте...»

Надо сказать, что мама Марина и мама Ирина очень похожи друг на друга, и их легко спутать, особенно когда они одеты в одинаковое. Даже бабушка Варя не всегда может отличить их друг от друга. И только Андрей и Катя, да, и ещё дедушка Павел Сергеевич – их родной папа – почему-то всегда угадывают, кто из них Марина, а кто – Ирина.

Но сейчас и гадать не надо. Если на руках Костик в зелёных ползунках – значит, Марина, мама Кати. Если Любаша в розовой кофточке – конечно, Ирина, мама Андрея.

Папа Федя и папа Слава ещё как-то попытались отвертеться для порядка:

– А я вот детям книжку читаю, – и папа Федя схватил книжку вверх ногами.

– А я зубы проверяю, – папа Слава быстренько повернулся к Андрею, – ну-ка, открой рот!

И Андрей тут же показал папе, правда, не зубы, а язык.

– Всё понятно... – мамы вздохнули и переглянулись. – Значит, так: Андрей и Катерина попеременно читают вслух, а папа Слава и папа Федя бросают строить из себя клоунов и идут нам помогать.

И папы, повздыхав, пошли за мамами в ванную комнату. Только папа Федя на прощанье обернулся и сказал мощным голосом великого трагика:

– Прощайте, детки! Уж и не знаю, когда мы с вами свидимся вновь! – папа Федя любил вставлять в свою речь яркие эффектные фразы.

– И почему ещё не придумали специальную машинку для стирки детей? – тихо ворчит папа Слава в спину папе Феде. – Закладываешь туда ребёнка, выбираешь программу и... опаньки! Через полчаса вынимаешь оттуда чистого и сухого младенца!..

Дверь за родителями захлопнулась, и Катя с Андреем остались одни.

– Идём отсюда, Катька! Этим людям мы уже неинтересны!

– Что делать?! Такова жизнь! Мы слишком быстро выросли и уже можем сами о себе позаботиться! – Катя унаследовала от отца огненно-рыжие волосы и любовь к пафосным театральным выражениям.

– Точно! Идем к бабушке! – и белобрысый Андрюшка, прижав к груди книгу, первым решительно зашагал в сторону кухни.

Глава третья. Странный часовщик

Надо сказать, что у прославленного и всеми уважаемого маэстро Антонио Сальери был никому не известный непутёвый младший брат по имени Джузеппе, которого старший брат Антонио очень стыдился, но, тем не менее, считал своим долгом его перевоспитывать и давать ему правильные и своевременные советы.

Братья Сальери рано потеряли своих родителей. Старший Антонио решил заделаться музыкантом. Он выучился играть на скрипке и клавесине и начал сочинять музыку. Причём настолько успешно, что по приезде в Вену вскорости стал придворным композитором при дворе его величества!

Младший Джузеппе в юности был отдан на обучение к часовщику и со временем превратился в довольно умелого мастера часовых дел. Он мог зарабатывать приличные деньги серьёзным ремеслом, а вместо этого постоянно занимался всякой ерундой: то изобретал эликсир вечной молодости, то открывал какие-то таинственные порталы, то оживлял неживое, а то и вовсе искал философский камень, чтобы разные ненужные и дешёвые предметы превращать в нужное и драгоценное золото...

Чтобы приглядывать за безумным братцем, Антонио даже пришлось выписать его к себе из Италии в Вену и поселить в домике на окраине города. И хотя дела шли у Джузеппе неважно, Антонио всё-таки не терял надежды вразумить брата и направить его по правильному, как он считал, пути.

Вот к нему-то и направлялся сейчас Антонио, чтобы проведать, не тратясь на извозчика, и заодно бесплатно починить свои сломанные часы.

Карета с путешественниками, оставив позади великолепные дворцы Вены, выехала на окраину города и остановилась около одного неказистого домишки в ремесленном квартале, к крыльцу которого была кое-как приколочена потрескавшаяся от времени вывеска, изображавшая не то часы, не то кастрюльку с крышкой.

«Судя по всему, здешний часовщик не самый мастеровитый в своём деле ремесленник, и дела его, судя по завалившемуся дому с кривой вывеской, идут довольно неважно,» – подумал про себя Моцарт. Однако Сальери это не смутило.

– Открывай, Джузеппе, безмозглый бездельник! Или ты ещё дрыхнешь, по своему обыкновению, в тёплой постели, когда порядочные люди уже давно работают?! Что, опять вчера перебрал лишнего за ужином?! – закричал Сальери по-итальянски и требовательно застучал в дверь.

Из окошка на втором этаже высунулась красная носатая рожа в ночном колпаке и промычала в ответ:

– А не твоё собачье дело, дорогой братец, чем я вчера занимался! А хоть бы даже и перебрал! – и Джузеппе (а это был именно он) с треском захлопнул окно, отчего вывеска покосилась ещё больше и чуть было не свалилась Сальери на голову.

Моцарт, который прекрасно знал итальянский язык, забавлялся этим колоритным зрелищем.

– Встань и пусти нас в дом! У меня к тебе срочное дело! – Сальери покосился на раскачивающуюся вывеску и застучал уже не так сильно.

– Не пушу! Я по утрам крепко сплю и поэтому никого не принимаю!

– Я принёс тебе угощение и свои часы, чтобы ты их починил! – Сальери заговорил вкрадчиво и доверительно. Не напрасно же он тащился в такую даль...

– А ты не будешь на меня ругаться?

– Что ты, что ты, конечно, не буду! – искренне заверил брата Антонио, а про себя добавил: – Взгреть бы тебя как следует, дуралейский братец...

– Угощение, говоришь? Проходи! – и Джузеппе в ночном халате и колпаке распахнул дверь и милостиво пропустил в свой дом Сальери и Моцарта.

В домике Джузеппе царил хаос и беспорядок: в углах валялся какой-то мусор, одно окно было заколочено, и оттого в комнате было сумрачно, на столе рядом с рабочими инструментами часовщика стояла недопитая бутылка вина, а присесть посетителям было некуда, потому что на единственном потёртом кресле разлёгся огромный полосатый кот по кличке Пират, или Пирато, как на итальянский манер называл его Джузеппе.

И только разнообразные часы, которые стояли на полу, висели на стенах и лежали на полках, заботливой рукой хозяина выглядели ухоженными и шли минута в минуту.

Сальери брезгливо огляделся и пробормотал: «Бедная матушка... Если бы она была жива, как бы она ужаснулась, увидев, что вытворяет её младшенький... и скольких трудов мне стоит его перевоспитание...»

– Почему твоя служанка не убирается? Ты что, опять её прогнал?!

– Выгнал взащей! Пусть не суёт свой нос куда не просят, дерзкая паршивка! – недовольно пробурчал Джузеппе.

– А это что такое?.. – изумлённо спросил Антонио, уставившись на плечо Джузеппе, в котором примостилась... большая чёрная ворона.

– Познакомьтесь – это Клара. Я выменял её у своры мальчишек и принёс домой. Она была ранена в крыло. Пришлось её вылечить. Очень умная птица...

Клара посмотрела на Антонио одним глазом и одобрительно каркнула. Но Сальери-старшего это не впечатлило.

– Мало тебе, что живёшь как в свинарнике, так ещё всякую гадость в дом тащишь! – не выдержал он.

После этих слов Клара заверещала и угрожающе замахала крыльями в сторону маэстро Сальери, как будто поняла, что речь зашла о ней.

– Спокойно, Клара, спокойно... Ты специально приехал с утра пораньше, чтобы читать мне нотации, на редкость любезный братец? – огрызнулся на брата Джузеппе.

– Нет, конечно, нет. Я к тебе по делу... – Сальери выложил на стол несколько слипшихся марципановых конфет, которые так кстати сошли за угощение, и настойчиво всучил брату свои остановившиеся часы: – Вот, отремонтируй их, да поживее! Мы с моим другом очень спешим!

Но Джузеппе, проигнорировав Антонио, вдруг неожиданно уставился на Моцарта:

– Маэстро Вольфганг Амадей?! Это вы?! Какое счастье, что вы посетили моё скромное жилище! Вот уж не думал, что когда-нибудь удостоюсь такой чести!..

– Ты знаком с моим другом Вольфгангом? – удивился Сальери.

– Да кто же его не знает! Это же сам Моцарт!

– Но откуда?! Кажется, я тебе про него ничего не рассказывал! – и Сальери прошептал Моцарту в ухо: – Мой брат окончательно рехнулся...

А Джузеппе тем временем согнал сонного кота с кресла:

– Присаживайтесь, маэстро! Сегодня самый великий день в моей жизни... Моцарт! Сам великий Вольфганг Амадей Моцарт пожаловал ко мне в гости!

Моцарт, которого темпераментный итальянец как-то даже немного затолкал в своё кресло, заёрзал и смущённо произнёс:

– Простите, господин Джузеппе, но вы меня с кем-то путаете!

– Вас невозможно с кем-либо спутать... я счастливчик... Мамочка моя... ты можешь мной гордиться... Маэстро, вы, конечно, не откажите мне в удовольствии позавтракать в вашей компании?

– Господин Моцарт очень спешит! – строго ответил Сальери-старший, но Джузеппе не обратил на его слова никакого внимания.

И Джузеппе куда-то засобирался. Он стянул с головы ночной колпак, надел панталоны, натянул парадный сюртук и оглянулся вокруг, словно ища глазами что-то очень важное:

– Где они?.. Мои Часы?.. А-а, вот, нашёл... – схватив лежащие на каминной полке серебряные карманные часы с резной крышкой, Джузеппе почему-то пошёл не на кухню, чтобы разжечь плиту и приготовить мало-мальски приличный завтрак для своих гостей... Вместо этого он спустился вниз по крутой лестнице в подвал дома, перед уходом бережно посадив ворону на спинку кресла.

Неожиданно послышались громкий скрежет и шум, из подвала вырвался и пронёсся по комнатам такой сильный ветер, что в доме всё застучало, захлопало и загремело так, как будто здесь зародился ураган местного значения, стрелки на всех часах завертелись с огромной скоростью, потом неожиданно всё стихло и...

Через некоторое время Джузеппе поднялся, неся в руках поднос, на котором стоял белый кофейник, источавший тонкий аромат свежесваренного кофе, в фарфоровом молочнике плескались нежнейшие сливки, на тарелочках красовались кусочки вишнёвого пирога, тонкие хрустящие вафли (кстати, одно из любимых лакомств Вольфганга Амадея) были пересыпаны засахаренными фруктами, отдельно был выложен омлет с поджаренными колбасками, украшенный зелёными веточками петрушки и укропа, а в центре подноса красовался экзотический фрукт апельсин. Да, не завтрак, а настоящий аппетитный шедевр венского кулинарного искусства...

– Ты что, кого-то ограбил?! Откуда у тебя это великолепие?! – удивился Сальери-старший.

Поднос в руках Джузеппе предательски задрожал (очевидно, от тяжести), но часовщик справился с волнением и ответил на шутку брата обаятельной улыбочкой:

– Мне повезло, милейший братец! Недавно я выполнил заказ одного очень богатого вельможи...

Антонио и Вольфгангу оставалось только ломать голову над тем, каким образом этот великолепный «натюрморт на подносе» (по выражению Моцарта) мог так быстро появиться в заброшенном домике странного часовщика...

Откуда-то был извлечён на свет божий низенький китайский столик, расписанный драконами («Полезная штука... я свистнул его у Людовика во время французской неразберихи...» – прокомментировал его появление Джузеппе), старый детский стул для Сальери-старшего и корпус от напольных сломанных часов, на который уселся сам хозяин дома, и пир начался.

– Ах, как вкусно! Еда, достойная самого императора! Маэстро, вы только попробуйте эти вафли с прослойками абрикосового мармелада! Это просто божественно!

Для развлечения дорогих гостей Джузеппе подвинул к ним поближе большой короб, накрытый красным бархатом. Джузеппе сдёрнул бархатное покрывало, и перед изумлёнными гостями предстало что-то вроде миниатюрного игрушечного театра с живописными декорациями и занавесом. По сцене бегали и давали представление маленькие артисты, каждый из которых был ростом не больше среднего пальца. Они пели, плясали и разыгрывали перед зрителями волшебную сказку. В этом мини-театре была даже оркестровая яма, где сидели и играли на разных крошечных инструментах маленькие оркестранты в белых паричках!

– Вот это чудо! – изумлённо воскликнул Моцарт.

– Жульничество... – скептически заметил Антонио. – Я видел нечто подобное в балагане заезжих циркачей...

– Я специально их оживил... – Джузеппе, казалось, игнорировал реплики старшего брата и общался исключительно с Моцартом. – Я большой поклонник вашей оперы... вашей «Волшебной флейты»... а эти куколочки частенько разыгрывают её для меня...

– Но... это невозможно! Я только сочиняю её, и даже сюжет то и дело дорабатывается!.. Или... вы знакомы с автором либретто и директором театра Эмануэлем Шиканедером, и он разболтал вам наш секрет?

– Ни в коем случае! Просто я... как бы это сказать... знаю кое-что наперёд...

Между тем маленькие артисты перестали петь, сбежались к краю сцены и сами устали на зрителей. Там были и хорошенький принц, и маленькая принцесса, и седовласый добрый старец, и могучий мавр, и даже мерзкое чудовище, но особенно выделялись две фигурки: смешной человек в костюме из разноцветных пёрышек и надменная королева в чёрном блестящем платье с маленькой короной на голове. Её можно было бы назвать красавицей, если бы не злобный огонёк в её чёрных глазах и не презрительная гримаса на бледно-мраморном личике...

– Почтеннейшая публика, – голосом Карабаса-Барабаса забубнил Джузеппе, – позвольте вам представить Папагено, этого удачливого и трусоватого шалопа! Спой, дружок! Порадуй нас своим искусством! Да не бойся ты!.. (Это было сказано вслед улепётывающему Папагено, который вознамерился было сбежать, и потому был схвачен двумя пальцами за шиворот и водворён обратно в центр сцены...) Это же сам маэстро Вольфганг Амадей Моцарт, твой создатель!

Смешной человек низко поклонился и запел песенку о том, что он известный птицелов, он молод, весел и здоров, и как он рад тому, что все его знают и любят.

Джузеппе в умилении сложил руки на животе:

– Bravo! Какой талант! Самородок!

– Забавный мотивчик! – промычал Антонио, не отрываясь от еды (он был большой любитель вкусно покушать за чужой счёт).

Моцарт с удивлением слушал маленького Папагено:

– Это что-то невообразимое!.. Я только на днях написал эту арию!

Джузеппе наклонился поближе к своим гостям, заговорщицки оглянулся и с громким присвистом зашептал:

– Я... не хотел никому рассказывать... Видите ли, это великая тайна! Но... здесь же все свои... ведь правда, маэстро Амадей?.. Мне удалось-таки... хоть ты в меня никогда и не верил, мой удачливый и высокомерный братец... как бы это вам объяснить... Можно сказать, я приручил само Время!

– Что ты несёшь, безумец?! – Антонио даже пролил кофе на свой камзол, так он разозлился. Сальери-старший с раздражением стал вытирать пятно кружевным платком, отчего оно только увеличилось в размерах...

– Ты мне не веришь?! Ты не веришь своему родному единоутробному брату?! Да я тебе сейчас докажу! Я всем сейчас докажу! Маэстро, пожалуйста за мной! Клара, лети в подвал!..

На ходу кивнув вороне и накинув на себя тёплый плащ, Джузеппе схватил Моцарта за рукав, небрежно кивнул головой в сторону старшего брата и нетерпеливо проковылял вниз по лестнице в подвал своего странного дома. Однако прежде он накрыл красным бархатом сцену-коробку: маленькие артисты могли разбежаться и нечаянно угодить в пасть пушистому разбойнику-коту.

Часовщик был так увлечен, что даже не заметил, как секундой ранее маленькая красавица ловко взмыла вверх и приземлилась прямо на плечо Сальери-старшего. Увидев это и заподозрив неладное, смешной птицелов быстро-быстро замахал руками-крыльями и следом за красоткой перелетел со сцены – прямым в моцартовский карман...

Глава четвёртая. Комната волшебника

И вот уже Катя и Андрюша сидят рядом с бабушкой Варей на кухне, пьют тёплое молоко с печеньем и разговаривают по душам.

– Бабушка, скажи... Ты веришь в волшебство?

– Конечно. Я даже знаю одного настоящего волшебника, – бабушка вроде взрослая, а про волшебника говорит вполне серьёзно.

– Кто это?!. Кто?!. – Катя и Андрюша заволновались.

– А вот угадайте!

– Дай подумать! – Катя даже лоб наморщила от напряжения. Кажется, что рассматривает белую кружку в синюю горошину, а на самом деле размышляет: – Недавно мы с Андрюшей случайно оказались в дедушкином кабинете...

– Мы не хотели, ба, просто нам срочно понадобились цветные карандаши, – Андрюшка прекрасно знает, что дедушка не любит, когда кто-нибудь «шляется в его Пенатах» (по выражению дедушки), но любопытство, увы, сильнее...

– Так вот: мы заметили на самом верху старинного книжного шкафа... ну, ты знаешь, он стоит в дедушкином кабинете... потёртый скрипичный футляр...

– И вдруг мы услышали, как в футляре кто-то сопит, шуршит и смеётся.

– Батюшки! Никак мыши завелись! – бабушка даже всплеснула руками.

– Нет, нет, бабуля, это были не мыши! Сначала кто-то засмеялся таким тоненьким переливчатым смехом, а потом вдруг пискнул: «Осторожно! Дедушка идёт!»

– И хорошо, что он нас предупредил, а то бы мы с Катькой точно попались!

– Так вот почему дедушка недавно ворчал, что кто-то трогал его рукописи!

– Теперь, бабуль, ты в курсе. Только, пожалуйста, не выдавай нас дедушке, а? – голос у Андрюшки жалобный, но глаз, который смотрит в сторону Кати, горит геройским огнём: ловко они тогда спрятались в шкафу, а потом тихонько, стараясь не хихикать, пробирались к двери и кубарем летели вниз по лестнице!

– Ладно, не скажу. Только вы уж помогите деду дописать его новую сказку...

– Что, опять творческий кризис? – сочувствует Катерина.

– Прямо не знаю, чем ему подсобить?.. – вздыхает бабушка. – Я уже и печенье его любимое напекла, и чай мятный заварила...

– Не переживай, ба! – Андрюшка беспечно махнул рукой и потянулся за новой печеньюшкой. – Стопудово сделаем! Легко и просто! Я понял – когда ты спрашивала про настоящего волшебника, ты, естественно, имела в виду ме...

– Мы постаремся, бабуленька... – Катя быстренько перебила самоуверенного братца и так заехала ему локтем в бок, что у того аж печенька из рук вылетела.

– Ничего себе приёмчик!.. Ты что, каратистка?!. – Андрюша недовольно зашипел Кате прямо в ухо. – Я чуть молоком не поперхнулся от твоего удара!

– А ты не хвастайся заранее! Когда сможешь по-настоящему, тогда и объявляй себя волшебником!

И Катя была абсолютно права, ведь настоящим волшебником в этой семье был, конечно, не Андрюшка, а их дедушка Павел Сергеевич Подвойский – знаменитый детский писатель, если кто не знает.

И бабушка Варя, Катя и Андрей отправились к волшебнику с важной миссией – помочь.

Впереди шла бабушка и несла поднос с мятным чаем и разными вкусностями, за нею следовали Катя и Андрей, а завершал процессию симпатичный бело-барашковый щенок Шумка – увязался за компанию «хвостиком».

Чтобы добраться до дедушкиного кабинета, надо подняться вверх по узкой деревянной лестнице. Писательский кабинет устроили под самой крышей дома, специально подальше от всех, чтобы дедушке никто не мешал работать.

Надо заметить, что Павел Сергеевич сегодня действительно был не в духе. С самого утра до позднего вечера он просидел у себя в кабинете, а написал «с гулькин нос» – практически пару строчек. Не пишется! Муза вдохновения спит богатырским сном и совсем не желает его посещать! А ведь ему скоро нести рукопись в редакцию. Безобразие, да и только!..

Бабушка Варя тихонечко постучала в дверь.

– Кого ещё принесла нелёгкая?! – послышался из-за двери недовольный дедушкин голос. – Встань передо мной, как лист перед травой!

– Пашенька, это я! Несу чай и твоё любимое печенье! – бабушка зашла первая, за ней следом проскользнули в кабинет внуки. Шумка протиснулся между ног и, виляя хвостиком, побежал целоваться с дедом.

– Варя, я же просил не беспокоить меня по пустякам!..

Дед капризничал. На самом деле он давно уже дожидался бабушку Варю, но стеснялся в этом признаться даже самому себе.

Из настенных часов в форме скворечника выглянула кукушка и уставилась на бабушку Варю.

– Родненькая, выручай! – шепнула одними губами в сторону кукушки бабушка.

Кукушка понятиливо кивнула и прокуковала:

– Ку-ку, ку-ку! Время отдыхать! Время пить чай!

Катя с Андреем переглянулись. Да, много занятных вещичек было в кабинете у дедушки!

– Ну, если кукушка прокуковала... Тогда я, пожалуй, действительно немного расслаблюсь, а то заработался совсем... – дед с удовольствием надкусил двойное печенье с зефиркой посередине. – А это ещё что за публика?! Неужели те самые охламоны, которые снова пришли бардачить в дедушкиных бумагах?!

Конечно, Павел Сергеевич внуков заметил давно, но решил их повоспитывать, а посему как бы их игнорировал.

И хотя дед выглядел грозным и рассерженным, Катя и Андрей догадывались, что это всё из-за рукописи, которая «застряла» и не хочет никуда двигаться...

– Нет, дедушка, мы не охламоны, мы – твои соавторы!

– Вот как?! А не рановато ли в соавторы к деду?.. – дедушка в задумчивости с чашкой чая в руках рассматривал картину на стене – копию старинной гравюры «Полтавское сражение». Или «Бой при Ватерлоо». Или даже репродукцию картины Василия Сурикова «Переход Суворова через Альпы» (дедушка ещё не определился с тематикой). Но не загадки сюжета волновали волшебника. Мысль о недописанной рукописи не давала ему покоя.

– Не рановато, а в самый раз! – Андрюшка деловито мотался по комнате и при этом разглядывал и трогал всё, что попадалось под руку: большой напольный глобус, этажерку со старинной пишущей машинкой, подломанный стул и, наконец, упёрся взглядом в огромный книжный шкаф.

О, что это был за шкаф! Он один стоил целой сказки! Сделанный из тёмного дерева, украшенный резьбой с завитушками, а резьба-то всё искусная: дракончики, цветы-лилии, листья виноградные... А за стеклом множество книг выстроилось вразнобой, без всякого порядка (так деду удобнее!): толстых, тонких, потрёпанных и совсем новых... А рядом с книгами рамки с фотографиями, фарфоровые статуэтки, открытки, монеты, значки...

Две нижние полки отданы под рукописи. Это на них лежали Катя и Андрей, когда прятались от деда...

– Дедушка, а откуда у тебя этот шкаф? Интересно, что в нём запрятано? – и Андрюшка бесцеремонно полез в бездонные шкафские недра.

– Нет! Не смей!.. Брысь от моего шкафа! – дед быстро встал между шкафом и Андреем. – Это очень дорогой... моему сердцу антиквариат!..

Павел Сергеевич дрожащей рукой погладил шкаф по деревянным завитушкам и погрозил Андрею указательным пальцем.

– Ну что, проказники?! Рассказывайте, какие ещё мыслишки, кроме патологического желания раздолбать дедушкин шкаф, вас посетили?

– Мы подумали... – Катя выразительно посмотрела на Андрюшку и покрутила пальцем у виска: «Ты что, рехнулся?! Дедушка и так на взводе! Забыл, что ли, как мы тут в прошлый раз накосячили?!» И уже сладеньким голоском в сторону деда: – Дедулечка, а что у тебя спрятано в скрипичном футляре?

– Заметили-таки?! Да ничего особенного... Абсолютно пустой футляр... Хотя, когда мне его отдавали вместе со шкафом... говорили, что когда-то в этом футляре хранилась скрипка самого Вольфганга Амадея Моцарта!

– Деда, а что, если в этом футляре кто-нибудь живёт? Какой-нибудь маленький человечек?

– В футляре, говоришь? – дед сосредоточенно потёр рукой подбородок. – Как странно... Недавно мне вдруг подумалось... Я написал сказки про все вещи, которые находятся в этой комнате, а про скрипичный футляр не вспомнил ни разу...

– Точно! – бодро встрял в разговор Андрюша: – Напиши про человечка, который в нём живёт... Он любит шутить, смеяться и хихикать... а ещё он может творить разные фокусы: уменьшать живое и неживое, летать, разговаривать с птицами...

– И одет в странный костюмчик, как будто сшитый из пёрышек!..

– А ещё он постоянно помогает двум мелким лоботрясам вытворять всякие каверзы и проделки... – начал оживляться Павел Сергеевич.

Бабушка Варя облегчённо вздохнула: кажется, рукопись наконец-то «сдвинулась» и «пошла»...

– Дедушка, а раз ты настоящий волшебник, ты можешь, например, сделать так, чтобы пошёл сиреневый снег? Или оживить снеговика, которого мы вчера с Катькой слепили? – Андрюха, как всегда, в своём репертуаре. Ну, не может человек спокойно сидеть на месте и сказочки выдумывать!

– А кто вам сказал, что я способен на такое?!

– Бабушка!

– Бабушка немного преувеличивает... Хотя... один раз в году, в ночь перед Рождеством, на земле творятся самые настоящие чудеса... А историю с ожившим снеговиком вы, пожалуй, неплохо придумали... Уже поздно... Вот что, друзья мои соавторы, отправляйтесь-ка вы в свои постельки, вам пора на боковую, «баиньки»...

На самом деле Павлу Сергеевичу не терпелось приступить к рукописи, у него прямо руки чесались, так ему захотелось писать (дед был старомоден и писал сказки от руки, а не печатал на компьютере, как современные писатели...)

Но ему даже не нужно было никого выпроваживать. Все присутствующие переглянулись, перемигнулись и на цыпочках, включая щенка Шумку, вышли из кабинета.

Дед уселся за стол, достал чернильную ручку, заправил её чернилами, нахмурился и медленно, словно боясь кого-то спугнуть, начал выводить:

«Снеговик задумчиво почесал нос-морковку и сдвинул ведро на затылок... С неба летели огромные снежные хлопья. Удивительно, но они были...»

А в это время в детской комнате у окна стояли Катя и Андрей и смотрели на стоящую во дворе и светящуюся разноцветными огоньками ёлочку.

Неожиданно снег усилился, да ещё как! Вокруг ёлки летали уже не маленькие снежинки, а настоящие пушистые снежные шарики!

– Катька, смотри!.. – завопил Андрюшка.

– Это же... сиреневый снег!

– Самый что ни на есть сиреневый!

– Волшебство сбывается!..

С минуту дети смотрели как зачарованные. Но Андрюшке, как всегда, нужно действовать...

– Так, теперь следим за снеговиком!

– Вроде на месте...

– И снег вроде обыкновенный, белый...

– Думаешь, показалось? – Катя разочарованно вздохнула.

– Да не переживай ты так... Там фонарики отсвечивают, вот и почудилось, что сиреневый...

– Но я же сама видела...

– Уже поздно, Кать, пошли спать... Глаза прямо слипаются...

И дети поплелись от окна в комнату и улеглись в свои кровати.

А в это время во дворе кружились в нежном танце сиреневые снежинки... Вдруг внизу прямо под ёлочкой ожил и зашевелился снеговик.

– Баба снежная, Сугроб, Метёлкин... И как меня только не называли! А я, между прочим, поэт, стою здесь и стихи сочиняю... – и снеговик ледяным голосом задекламовал: – «Снег, белый, девственно чистый, летел, припадая каждой снежинкой к земле и мечтал воплотиться в высшую сущность – снеговика...» Слушай, брат Метёлкин, да у тебя же настоящий белый стих пошёл!..

И поэт Метёлкин, бурча под нос-морковку поэтические вирши, медленно побрёл из посёлка в сторону города, оставляя большие круглые следы на сиреновом снегу...

Глава пятая. Подвал или портал?

Надо заметить, что, пока братья Сальери и Моцарт спускались по узкой скрипящей лестнице в подвал дома (который находился что-то уж слишком глубоко), маленькая красавица не теряла времени даром. Она буквально впилась в ухо маэстро Антонио и что-то такое нашёптывала ему, отчего он кивал и говорил в ответ короткое «си» (что по-итальянски означало «да»), сначала удивлённо-вопросительно, а потом одобрительно, словно подтверждая и с чем-то соглашаясь.

Маленький смешной человечек постоянно пытался подслушать и разузнать, что же такое она говорила, но сделать это было не так уж и легко! Попробуй-ка незаметно выпрыгнуть из кармана вверх, когда люди спускаются вниз! Как он ни старался, до него долетали только обрывки фраз: «...маэстро, мы же с вами деловые люди... вы помогаете мне, а я вам... если вы хотите остаться в истории, вы должны... я хочу безраздельно властвовать в этой... (далее неразборчиво...)

Но вот, кажется, пришли, уф!.. Подвал представлял собой довольно мрачное зрелище. Тут было темно, холодно и сыро. И ещё совершенно тихо. Казалось, что любые звуки глохнут и замерзают на лету в этом промозглом склепе.

Огарок свечи в руке Джузеппе слабо освещал лица Вольфганга Амадея и Антонио, бросая причудливо-жуткие тени на каменные, поросшие мхом стены.

Джузеппе подвёл Моцарта и Сальери-старшего к старому массивному люку, который, казалось, от времени врос в скользкий от сырости пол.

– Вот он... Забытый Богом Портал... – благоговейно произнёс Джузеппе. – Я обнаружил его случайно... вот здесь, видите? Древние письмена!.. – и часовщик ткнул пальцем в какие-то знаки, выдолбленные на крышке люка. – Естественно, я попытался их расшифровать... и вот что мне открылось... Если настроить сорок часов секунда в секунду... можно одним движением часовой стрелки на Часах Времени перенастроить время таким образом... что разные времена сойдутся в одной точке... и мы окажемся в другом измерении...

Джузеппе говорил, по обыкновению, сбивчиво и скороговоркой... и, признаемся честно, Вольфганг Амадей слушал его довольно рассеянно, но Сальери-старший казался крайне заинтересованным...

– Знали бы вы, чего мне стоило создать мои драгоценные Часы Времени!.. Я обнаружил здесь, в подвале, один чертёжик... с приблизительной настройкой, конечно... плюс-минус пара веков... пришлось доработать... хотя на моих Часах настройка на место прибытия тоже страдает... Поэтому я частенько попадаю в разные переделки... Но это так, к слову...

– Ты хочешь сказать, – нетерпеливо перебил брата Антонио, – что тебе удалось пересечь само время?!

– Вот именно! – радостно воскликнул Джузеппе. – Я утверждаю, что могу побывать в будущем, причём иногда довольно далёком!

– А в прошлом? – вежливо поинтересовался Моцарт.

– Прошлое, к сожалению, закрыто. Что было, того не воротишь... Но будущее!.. Увлекательно и крайне интересно... и к тому же будущее можно менять...

– И сколько раз ты сумел там побывать? – допытывался Сальери-старший.

– Пока ещё немного, но я уже сделал для себя кое-какие выводы... Главное – надо позаботиться обо всём заранее! Поэтому я решил немедленно жениться и завязать с вредными привычками. И как результат – я проживу намного дольше!

– А что ты можешь мне рассказать о моём будущем? – вкрадчиво спросил Сальери-старший.

– В памяти потомков ты остался как великий...

–Конечно, композитор!..

– Не совсем... Для них ты прежде всего талантливый учитель и выдающийся наставник многих музыкальных гениев... К тому же почти все твои произведения, мой удачливый братец, увы, канули в лету... Что касается вас, маэстро Амадей... Поздравляю – вашу музыку любят, исполняют и знают, можно сказать, все!

И если реплики Джузеппе Моцарта только позабавили, но Сальери-старший даже зубами заскрипел от негодования!

«Как же так! – думал Сальери, – это я, я, Антонио Сальери, стал придворным композитором сначала нашего дорогого императора Иосифа II, а потом не менее дорогого Леопольда II! Я написал самые известные и часто исполняемые оперы, которые так любит императорская семья, а оперы Моцарта через две-три постановки сходят со сцены! Я один являюсь придворным капельмейстером его величества, а не этот мальчишка Амадей! Именно я вхожу в королевский музыкальный кружок и музицирую на пару с самим императором! Мне заказали гимн ко дню коронации Леопольда! Я распоряжаюсь всем и вся... Мой авторитет непоколебим... или... всё не так благополучно, как мне кажется?.. А может, я зря волнуюсь?.. Стоит ли доверять словам этого кретина, который даже часы толком починить не может?..»

Так подумал про себя Сальери. Но вслух он произнёс:

– Я тебе не верю... Как можно через какой-то там подвал... или портал проникнуть в будущее?

– Не веришь?! Я сейчас тебе докажу! – вскипел Джузеппе. – Убедишься собственными глазами, когда окажешься где-нибудь... лет эдак через пятьдесят или даже двести!

Надо заметить, что часовщик Джузеппе действительно через случайно обнаруженный им Волшебный Портал регулярно делал вылазки в будущее. В основном эти путешествия носили довольно невинный характер. Например, он случайно попал на королевский завтрак, и после этого каждый день стал навещать во дворец к самому императору, чтобы как следует покушать и заодно прихватить чего-нибудь съестного со стола...

В результате Джузеппе совсем перестал готовить и даже отказывался брать заказы по ремонту часов. «Зачем, – рассуждал он, – перетруждаться, если я в любой момент могу проникнуть во дворец и великолепно поесть за счёт нашего дорогого правителя!»

Правда, в таком образе жизни имелись и свои сложности. Слуги прознали про «прожорливое привидение» (как они прозвали меж собой Джузеппе) и стали гонять его и забрасывать тяжёлыми предметами (например, поварёшками, тарелками, башмаками и канделябрами). Поэтому Джузеппе приходилось забираться в будущее всё дальше и дальше. От этого точность попадания в нужное место сильно страдала... Недавно, например, вместо столовой залы он угодил в королевскую спальню... А через несколько «вылазок» вполне мог очутиться на площади, в лесу или даже в карете...

Тем не менее Джузеппе старался заранее не переживать... «А, как-нибудь выкручусь... будущее большое... – легкомысленно рассуждал он, – подыщу себе какой-нибудь другого короля... ещё и побогаче нашего...»

Между тем Сальери-старший решил поддаться искушению и прислушаться к советам маленькой красавицы, которая оказалась ни много ни мало самой Королевой Ночи... Он задумал действовать хитро, коварно и расчётливо, и извлечь из портала личную выгоду, благо, Королева Ночи подкинула ему неплохую идейку...

– Дорогой брат, никогда не предполагал, что скажу тебе это, но я скажу! Джузеппе, при помощи этого чудесного портала ты можешь стать спасителем человечества! Ты – гордость нашей семьи! Да что там! Я не удивлюсь, если скоро тебе поставят памятник как самому великому волшебнику всех времён и народов! Через твой Портал мы сможем, наконец, исправить ошибки истории и устранить гнусные несправедливости, которые будут выявлены нами в будущем! – тут Сальери откашлялся и сменил тон с пафосного на проникновенно – выведыватель-

ный: – Скажи, Джузеппе, в своих путешествиях был ли ты свидетелем некоторых событий, которые требуют нашего экстренного вмешательства?

Джузеппе, который не привык, чтобы старший брат его хвалил, как-то сразу растрогался, расчувствовался и тут же выложил:

– Во время своего последнего путешествия я встретил одного великого композитора... К сожалению, я не смог ему помочь... не нашёл общего языка с местным населением... он попал в беду... а я... я был угнетён и бессилён... вот... Я даже записал координаты того времени, хотя я их обычно не запоминаю... это случится в далёкой России... через много лет... я в глубоком расстройстве... и я так рад, что ты, мой заботливый и великодушный брат, вызвался разрешить эту тяжёлую ситуацию...

– Я бы, конечно, с удовольствием, но... видите ли... У меня сегодня столько дел, столько дел... Во-первых, я должен провести репетицию в Венской придворной опере, во-вторых, после обеда мне назначена аудиенция у самого императора, в-третьих, я как руководитель Венского музыкального общества просто обязан побывать сегодня на благотворительном концерте, в-четвёртых... – и Сальери принялся долго и нудно перечислять дела, которых у него не было, и поручения, которые ему никто не давал.

– Тогда... может быть вы, маэстро Амадей?... – Джузеппе с надеждой повернулся в сторону Моцарта. – Вы же знаете русский язык?

– Я действительно недавно брал несколько уроков... Князь Разумовский от имени русской императрицы Екатерины приглашал меня поработать в России... но... путешествие в будущее, в удалённое будущее... – Моцарт колебался. Всё, что он узнал и увидел за это утро... всё это как-то не укладывалось в его голове.

– Не ходи, не делай этого, мой дорогой друг, ведь путешествия во времени так опасны! Если с тобой что-нибудь случится – я этого не переживу!.. А он, этот несчастный композитор, наш коллега-музыкант, пусть он страдает... Боже мой, это так печально! Нет-нет, дорогой друг, не рискуй собой, не помогай!.. Пускай он изопьёт чашу горести до дна!.. – и Сальери-старший приложил вышитый платочек к сухим глазам, как бы смахивая с них невидимую слезу.

– И как долго я могу путешествовать во времени? – Моцарт начал колебаться.

При этих словах Джузеппе оживился:

– Ваше пребывание в будущем должно продлиться не более двенадцать часов. Через двенадцать часов портал закроется, и, если вы не успеете вернуться сюда, в наше время, вы исчезните навсегда... Так написано в манускрипте... Но... если всё сделать правильно... поверьте, маэстро, путешествия во времени совершенно безопасны!..

– По-моему, это чудесное решение всех проблем! Всего-то каких-нибудь двенадцать часов! Констанцу я предупрежу! Тебе абсолютно не о чем беспокоиться! К тому же ты можешь получить бесценный опыт общения с людьми будущего, а это так познавательно! Джузеппе, открывай портал! Амадей согласен!..

Сальери схватился за проржавевшую ручку и с силой потянул крышку портала на себя. По подвалу пролетел сбивающий с ног ураганистый ветер.

На оборотной стороне люка Амадей и Антонио увидели карту мира и какие-то таинственные знаки. Джузеппе стал лихорадочно читать загадочные письмена на каком-то забытом языке, а потом с такой силой завёл Часы Времени, что стрелки на всех сорока часах завертелись с почти космической скоростью. От этого верчения показалось, что ещё немного, и домишко часовщика поднимется в воздух...

Около ног Моцарта заколыхалась тёмная клубящаяся пучина... Она, как живая, манила к себе и в то же время отталкивала... Портал настраивался на перемещение...

Джузеппе наставлял Моцарта быстро и путано:

– Маэстро, вам поможет один добрый волшебник... От него много что зависит, но встречаться с ним необязательно, он всё сделает сам... Вот вам Часы Времени... ближе к концу

перемещения они начнут мигать... Берегите их – если с ними что-нибудь случится, вы застрянете в будущем, а это крайне опасно... И помните Главное Правило путешественника во времени: никогда и ни во что не вмешивайтесь! Люди должны всё сделать сами! Держите мой плащ... зимой в России довольно холодно... Чего тебе, Клара? – Джузеппе недовольно посмотрел в сторону вороны, которая села ему на плечо.

Клара каркнула, и из её клюва на ладонь Джузеппе выпали маленькие шпага, клавесин и скрипка. Пока Джузеппе открывал портал, она слетала наверх и позаимствовала эти вещи у маленьких артистов и музыкантов.

– Ты думаешь, это может пригодиться?..

Клара утвердительно замахала головой.

– Возможно, ты права... Амадей, на всякий случай... возьмите их с собой... стоит только взмахнуть – и они немедленно увеличатся...

Бездна под ногами заволновалась, словно морская глубина... Моцарт посмотрел вниз: где-то далеко внизу он разглядел заснеженный город с высокими домами и каретами без лошадей.

– Папагено, вылезай из кармана, я тебя засёк... – Джузеппе протянул ладонь к карману моцартовского камзола, и оттуда нехотя вылез маленький Папагено. – Запомни: маэстро обязательно должен вернуться обратно, и ты ему в этом поможешь. Ты парень сообразительный, так что действуй смело и решительно... то есть на своё усмотрение... но если что-то пойдёт не так, срочно отправь мне телеграмму... Ты всё понял? – при этих словах Папагено быстро закивал головой. – А теперь марш обратно в карман!

Моцарт крепче укутался в тёплый плащ, подошёл к краю пропасти, закрыл глаза и шагнул в искрящийся омут...

– Только не закрывайте крышку, пока я не вернусь!.. – крикнул он на ходу и пропал в водовороте времени...

...и сияющий вихрь подхватил и унёс его так скоро, что последние слова были еле-еле слышны. Вместе с ним в кармане камзола улетел Папагено...

– Конечно-конечно, мой бесценный друууг! – прокричал вслед ему Сальери-старший. Потом он незаметно снял с плеча фигурку роковой красавицы:

– Надеюсь, наши договорённости остаются в силе? – шёпотом спросил Сальери.

– Моцарт застрянет в будущем навсегда, – тихо ответила Королева. – Вы останетесь для потомков единственным автором «Волшебной флейты»!

– А вы, ваше величество, станете единственной властительницей этой оперы!

После этих слов маленькая красавица кивнула головой и решительно прыгнула в бездну.

А затем случилось вот что: ворона Клара каркнула, быстро слетела с плеча хозяина и тоже влетела в проём портала.

Неожиданно ветер угомонился, и свет, исходящий из портала, из глубокого тёмного превратился в ослепительно-белый.

– Клара, ты куда?!. Какие телеграммы?!. Почему ты говоришь про колдовство Королевы?.. – прокричал вслед вороне Джузеппе, но портал уже закрылся.

– Я буду ждать их здесь, – Джузеппе смиренно сел на склизкий камень рядом с порталом и замер словно статуя.

– Как знаешь, братец, а у меня дела, дела... – и довольный Антонио Сальери стал подниматься по скрипящей лестнице наверх.

«Этот балбес ещё на что-то надеется... – Сальери оглянулся через плечо на брата, который одиноко сидел около портала, и усмехнулся. – Ну, хоть какая-то польза от этого осла... Двенадцать часов! И... я могу спокойно отдать на переписку Моцартовскую оперу под своим именем... Прослушаю-ка его кукольный ящик ещё раз... Я услышал там несколько действи-

тельно недурных мелодий... Надо как следует их запомнить и записать... И тогда я, и только я один – композитор великой оперы «Волшебная флейта»!»

Напевая под нос песенку Папагено, Сальери, как бы невзначай прихватив с собой коробку с маленьким театром, вышел из дома странного часовщика и сел в карету, на ходу продумывая версию для императора: «Господин Моцарт любит путешествовать в своём экипаже... Я лично его проводил... Да-да, ваше величество, он уже на пути в Прагу...» И низкие почтительные поклоны... поклоны... поклоны...

«Что ж, время на Волшебных Часах пошло... – прошептал Сальери, сидя в карете с ящиком в обнимку. – Будем терпеливы, маэстро, будем ждать... ровно двенадцать часов, ха-ха, и ни минутой больше...»

Глава шестая. Буря

За ночь выпало так много снега, что рано утречком папе Феде и папе Славе (с тяжёлыми вздохами, разумеется, чтобы каждый желающий мог услышать и проникнуться) пришлось взять по лопате и пойти чистить дорожки.

«Утро выдалось на редкость морозным и солнечным. Жизнь текла своим чередом, несмотря на мелкие досадные неприятности...» – написал дедушка, жуя бабушкину печенюку.

И действительно, метель неожиданно прекратилась, и яркое зимнее солнце запрыгало и заискрилось на снегу, как будто кто-то просыпал на землю все бриллианты мира. И никто не обратил внимание, что снеговик куда-то исчез, а дома поблизости как стояли без снега, так и стоят. Странно... так же не бывает: сильный снегопад исключительно вокруг маленького дома настоящего волшебника...

Надо заметить, что папа Федя вышел копать снег в сквернейшем расположении духа. И дело было не в копании, дело было совсем в другом. Мрачные мысли не давали папе Феде покоя. Когда-то давно, когда папа только ещё учился на певца, он (как говорили в музыкальных кругах) «подавал большие надежды». Надежды-то он подавал, но как-то не подал до конца. И поэтому, хотя папа Федя и пел в Оперном театре, но больше в хоре, а не солистом, как ему того страшно хотелось. И очень от этого страдал и мучился.

И мучения его особенно усилились оттого, что на долгожданную премьеру в его родной театр должен был приехать выступать его бывший однокурсник, а теперь солист Большого театра Сэм (Семён) Бегемотов. И именно Бегемотов, а не Фёдор Рыжов (да, рыжий папа Федя имел к тому же «говорящую» фамилию), будет петь партию принца Тамино. А ведь когда-то именно папа Федя с блеском исполнял эту роль в студенческом спектакле.

При мысли о том, что Бегемотов будет дружески трепать его по плечу и спрашивать: «А помнишь, как ты подавал большие надежды, а?..», а папа Федя будет стоически улыбаться ему из хора и мямлить в ответ: «Да, что-то такое припоминаю...», а Бегемотов будет продолжать своим наглым тенором: «А что же ты со своими большими надеждами да не в Большом театре, а?..», а папа Федя в ответ будет мычать про то, что в Большом хорошо, а у него в хоре лучше, а Бегемотов будет подтрунивать над ним: «Большая кишка оказалась тонка, а?..», а папа Федя в ответ: «Пошло шутите, господин Бегемотов! И не обижаюсь я вовсе!.. И не нужен мне ваш автограф!.. И вообще – чего вы ко мне привязались?!» и прочая ерунда в том же духе...

И папа Федя от многократного прокручивания в голове этого кошмара потихоньку бесился, заводился, кипятился, а потом, потеряв равновесие, поскользнулся и свалился в снежный сугроб вместе с лопатой! И тут же окончательно замёрз!

На папино-Федино счастье папа Слава быстро заметил отсутствие друга в пределах видимости, вовремя поднял тревогу и откопал замёрзшего папу Федею. И быстренько привёл очечневшего папу Фёдора домой.

– Ма-ма-ма-ри-на, спаси ме-ме-ня!.. – простучал зубами папа Федя так сильно, что с его носа слетела примёрзшая сосулька.

И тут мама Марина бросилась спасать папу Федею, а бабушка сказала: «Батюшки!..», а Костик с Любашей заревели, а мама Ирина принялась их успокаивать, а Катя и Андрюша запрыгали вокруг честной компании, а папа Слава принялся в красках описывать операцию по извлечению товарища из сугроба... В общем, всё как-то завертелось и закрутилось своим чередом.

И вот уже папа Федя сидит перед камином, укутанный полосатым пледом, пьёт чай с малиновым вареньем, держит ноги в тазике с горячей водой и наслаждается тем, что не надо ничего делать, а в особенности копать снег на морозе. И мелкие неприятности закончились, и все как-то успокоились и расслабились...

И тут дедушка вдруг написал: «Случилась буря...»

Да-да, так и написал!.. Известно, что настоящие волшебники должны быть крайне осторожны в выборе слов и сюжетов! Им лучше писать про листочки-бабочки-цветочки и солнышко в саду, а не бури описывать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.